

СЕМБЕНЕ УСМАН

Мать

Африканская новелла

Всем матерям посвящаю

Я тебе расскажу о царях... Конечно, не обо всех царях, а о некоторых. Свою власть цари передавали по наследству от отца к сыну, от мужчины к мужчине по праву первородства. Наследник престола получал особое воспитание. Сказители-гриоты воспевали его достоинства, его дела, его предков. И после коронации, став абсолютным владыкой, не подчиняясь больше никому, он, случалось, превращался в тирана. Подобострастная толпа слуг окружала царя. Одни поддерживали серебряные чеканные плевательницы тончайшей работы, другие подносили своему господину роскошные курительные трубки, увенчанные резным изображением человеческой головы (а чубуки у этих царских трубок бывали по два метра длиной). Воздух вокруг царя освежали опахалами из страусовых и павлиньих перьев редкостных расцветок. Придворные курили фимиам богоравному владыке и плясали перед царем, чтобы его развлечь. Но народ жаждал смерти царя, желал ему сгореть живьем — ведь он был не милостивым богом, а деспотом, властным над жизнью и смертью своих подданных. Нередко этот царь осуждал на смерть тех, кого подозревал в том, что они недостаточно усердно служат ему.

Считаю для себя счастьем, что не родился в те времена... А впрочем, нет особенной разницы между эпохой деспотов-царей и эпохой владычества колонизаторов...

Когда сам народ высказывается за закон, можно быть уверенным, что такой закон спра-

ведлив. Но вот один царь издал указ о том, что каждый мужчина обязан уступать свою первую брачную ночь царю... «Гнусный закон!» — говорили все. Но монарху не противоречат. Царь этот творил такие низости, что даже министры жаловались на него богам, однако все было напрасно. И их дочери всходили на ложе нечестивца, и никто из отцов и мужей — верных рабов царя — не осмеливался противиться выполнению этого «долга». Всякий раз, когда праздновался новый брачный союз, царь первым пользовался утехами плотской любви. Народ безропотно терпел. Все капризы деспота выполнялись беспрекословно.

Но однажды какой-то юноша-чужеземец посватался к царской дочери...

«Выполнит ли царь и сегодня свой закон?» — спрашивали себя запуганные люди. Однако в тот вечер, накануне брачной ночи, царь-тесть отменил свой гнусный указ. В течение некоторого времени все шло хорошо. Царь притих, не решаясь пока вновь приняться за старое. Тем не менее в глубине души у него накипала злоба и ожесточение. «Старики смущают умы, это они возвели преграду для моих утех...» — твердил себе деспот.

И вот барабаны возвестили, что великий царь желает видеть своих подданных и велит им собраться. Явиться по велению царя должны были все: и хворые, и немощные. У того, кто не явится, царь грозил отобрать все имущество. В страхе собрался народ, весь поголовно. Тогда царь повелел обезглавить мужчин, достиг-

ших пятидесятилетнего возраста. Сказано — сделано. Кровавая эта оргия напоминала мусульманский праздник — день Табаски, когда режут баранов. Земля была залита кровью отцов. Солнце и ветер высушили кровь, а босые ноги толпы стерли с земли последние красные капли. Время не приносило сердцам людей забвения, но никто еще не осмеливался противиться жестокому безумцу. Тогда деспот вновь принялся распутничать, избирая себе в жертву не только невест, но и любую приглянувшуюся ему девушку. Разврат воцарился при дворе монарха, и даже его телохранители считали это позором. Лишь некоторым матерям удавалось укрыть своих дочерей от подлых посягательств царя.

Слава тебе, женщина-мать, необъятный океан нежности!..

Пьяный царь, все еще не пресытившийся распутством, рыскал по провинциям в поисках новых жертв. На окраине одного селения царь остановился, попросив напиться. Девушка, подавшая ему воды, настолько поразила его взор, что он на мгновение позабыл о жажде. Послушные царскому приказу слуги тотчас схватили красавицу. На ее крики выбежала мать... Что могла сделать одна женщина против многочисленных стражей, каждый из которых был в сажень ростом? И все же мать доказала, что ее не покоришь и не утратишь силой. Царский раб отшвырнул ее. Она рухнула на землю, но быстро поднялась и повисла на его руке. Борьба была неравной...

Утром мать пришла на площадь, где его величество отдыхал в окружении своей свиты. Увидев старую и некрасивую женщину, царь сказал ей:

— Если у тебя есть подходящая дочка, знай, что я днем не принимаю...

Мать устремила свой взор на этого человека. Его лицо было безмятежно спокойным, ни тревог, ни раздумий не выражало оно...

— Государь,—начала мать,— глядя на тебя, можно подумать, что у тебя не было матери. Ты воюешь с женщиной, потому что она слаба. А радость, которую ты извлекаешь из этой войны, еще постыднее, чем сама борьба... Сына царя и сына раба мать зачинает в любви, рождает в муках и пестует, отдавая ему всю свою душу. От нее, от женщины-матери, зависит все хорошее, что таится в человеке, будь он царем, храбрецом или трусишкой, поэтом или сапожником. В сердце матери царь—се сын... Все окружающие тебя люди имеют матерей. И в скорби каждого человека, как и в радости, мать всегда с ним...

— Убить ее! — вскричал царь.

Свита не подчинилась монарху. Слова ма-

тери тронули суровых стражей. Тщетно царь ревел и выл в желчной злобе, сыпал гнусными проклятиями...

Мать невозмутимо продолжала:

— Мужчины! Вы молча терпели, когда царь бесчестил ваших сестер; по его велению были умерщвлены ваши отцы. А теперь он угрожает вашим матерям... Глядя на вас, можно подумать, что сердца ваши совсем окаменели...

Рассвирепевший царь вскочил и ударом кулака сбил с ног старую женщину. Но тут царя схватили его собственные слуги. Впервые набрались они храбрости, чтобы восстать против деспота. Царь был свергнут... (Может быть, высохла уже его царская кровь?)

Слава мужчинам и женщинам, храбро выступающим против тирании! Слава вам, женщины — неиссякаемый источник мужества: ведь вы сильнее смерти! Слава вам, кули Китая, свергшие чужеземных тиранов, слава вам, батраки и рудокопы плато Нигера... Слава тебе, крошечное дитя в объятиях матери. Морская бездна—ничто в сравнении с глубиной материнской любви...

Перевел с французского С. Волк

Рисунок И. Глазунова и Н. Виноградовой